

Грубников П. О любовных увлечениях Чехова // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1935. 10 марта. № 8076. С. 8.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

О любовных увлечениях Чехова

ДОН-ЖУАНСКИЕ СПИСКИ. — ВИНОВНА КНИППЕР ИЛИ НЕВИНОВНА? — ПОЧЕМУ ЧЕХОВ НЕ ТО- РОПИЛСЯ С БРАКОМ?

В последней книге «Современных Записок» М. Курдюмов выдал соблазнительную тему: любовь Чехова. О его молодости увлечениях мы ничего не знаем. Наиболее приметным в этой области у него была и осталась Лика Мизинова. Это знают все, об этом может узнать всякий, если прочтет письма Чехова. М. Курдюмов утверждает, что и у Чехова, конечно, были увлечения, были случайные связи. Все это осталось его личной тайной.

Скажу так: самая болтливая среда — это — наш маленький литературный мир. Пальму первенства в этом отношении он может отдать только актерам. В литературной и, особенно журнальной, среде знают все обо всех. Но чеховские увлечения завулгаризированы. О них будто никто не слышал. Ближние ему женщины остались под маской, их имена — под секретом. Никого не может назвать и М. Курдюмов, а он занимается Чеховым, работал над его книгами, совсем недавно выпустил исследование о религиозности Чехова («Сердце смятенное», Париж, 1934), — об этой книге мы в свое время писали. Словом, М. Курдюмову нужно верить. Правда, его выводы не дают ничего поразительного или нового. Но это не требуется, и этого никто не ждет.

Должна заинтересовать неожиданность чеховского романа, а потом брака с О. Л. Книппер. Этим вопросом надо было давно заняться. К сожалению, не было достаточных материалов. Кое-кто склонен и сейчас ее укорять за будто бы мало внимательное отношение к большому Чехову. Как можно было оставаться на сцене, играть, жить в Москве, оставлять в одиночестве чахоточного мужа, чувствующего себя в Ялте, будучи в ссылке! О. Л. Книппер-Чехову многие готовы были обвинять.

Скоро появятся ее письма. До сих пор мы знали только письма Чехова к ней. Ольга Леонардовна Книппер вышла из лучшей семьи, была строго и чисторно воспитанной барышней, серьезно занималась музыкой, пением, иностранными языками. Тянуло на сцену, — запрещал отец. Он умер, «я, вот, наконец, я — у цели, я достигла того, о чем

мечтала», пишет она в своих воспоминаниях, я, актриса, да еще в каком-то необычном, новом театре. Для нее это был серьезный шаг. В театре она искала не только осуществления своих давних мечтаний, на сцену она шла, как на подвиг и на исцеление: О. Л. Книппер пережила трагедию первого юного чувства.

Едва началась эта дорога, как на ней появился Чехов. И до сих пор, на всю жизнь, остался памятным тот день, когда он приехал на репетицию «Чайки». МХТ тогда играл в охотничьем клубе на Воздвиженке: собственное здание в Каретном ряду еще было не готово. Во время спектакля в уборную Книппер пришла сестра писателя, — М. П. Чехова, — так началось знакомство, потом сближение, затем началась общая жизнь. Когда-то «Чайка» в Александринском театре провалилась. Это был едва ли не самый большой удар во всей чеховской жизни. Сейчас пьесу возобновляли, — своей игрой Книппер Чехову очень понравилась. Она, вообще, была талантлива, молода, прекрасно воспитана, очень культурна. В семью Чеховых внесла совсем новую атмосферу, не похожую на дух обычной актерской богемы. Завязалась переписка, пошел обмен письмами, случилась встреча в Новороссийске, потом поездка на пароходе в Ялту, и в Москву возвращались вместе. О любви не было еще сказано ни одного слова. Книппер не хотела тайтаться. «Мне было грустно, когда вы уехали», — писала она Чехову, — «так тяжело, что если бы не Вишневский, который провожал меня, то я бы ревела всю дорогу». В семье Чеховых она стала постепенно своим человеком.

В их московской квартире

ей особенно нравился кабинет писателя. Она рассказывала ему в письме: «В вашем кабинете стоит диван, висит ваш большой портрет, уютно там, хорошо и я абонировалась на угол дивана, прямо против портрета, буду приходить и сидеть».

В ближайшем будущем все эти письма Книппер увидит свет, но и приведенные отрывки раскрывают многое, освещают взаимные отношения Чехова и Книппер новым, новым светом. Она его любила, была смелее его, женским чутьем понимала то, что что оставалось для него все еще неясным. Скрытность Чехова ее удивляла. Свою любовь он таил от всех. Странно: даже такие важные в любви события, как свой отъезд за границу, он готов был не скрывать от других, и молчал об этом Книппер. Она недоумевала. Ее это и огорчало: она хотела провести с ним все лето вместе. Курдюмов правильно подметил, что у Книппер бывала тоска по Чехову, его самого терзала скука. Это большая разница.

Чехов замедлял и женитьбу. С. Книппер он взял слово, что об этом никому не будет известно: «Если ты дашь слово, что ни одна душа в Москве не будет знать о нашей свадьбе до тех пор, пока она не совершится, то я повенчаюсь с тобой хоть в день приезда». Что-то удерживало Чехова от брака. На это он шел и не решался. О. Л. Книппер такое промедление было ясно и неясно. Потом она вспоминала, как Чехов, еще в 1895 году, писал А. С. Суворину о браке. Он хотел, чтобы все оставалось так, как было. Если бы он когда-нибудь женился, то его жена должна была бы жить в Москве, а он — в деревне (тогда — в Мелихово), — и к ней он часто

ездил. «Счастья же, которое продолжается изо дня в день, от утра до утра, — я не выдержу». Он обещает быть великодушным мужем, но хочет, чтобы жена, как луна, появлялась на его небе не каждый день.

Иные говорили и готовы повторять сейчас, что Книппер должна была бросить театр, переехать в Ялту, жить около мужа. Это было не легко. Надо сказать, что она сама сильно подумывала об этом, хотела расстаться с театром, — тут же вставал вопрос: нужна ли Чехову жена, оторванная от живого дела? Он недопускал ломки своей жены, не стал бы домать и чужой. Кроме того, Чехов дорожил связью с МХТ, и эта близость так удобно и счастливо устанавливалась через О. Л. Книппер.

Сколько раз в этих письмах жены прорывается самое нежное, самое глубокое чувство: «я не вынесу этой зимы, если не увижу тебя», — пишет она. Ей хотелось выйти замуж, она торопила свадьбу. Это был искренний порыв любящего сердца. В нем она признавалась скромно и нерешительно. Как-то написала целое письмо и только на конец, в Post scriptum-е прибавила: «приезжай в первых числах и повенчаемся, и будем жить вместе. Да, милый Антоша?». М. Курдюмов поясняет: «откровенного ответа О. Л. и на этот раз от Чехова не дождалась».

Чехов боялся не только перемен в своей жизни, но и самого обряда. Его смущала торжественность брачной церемонии, он предвидел свой растерянный вид, «сознаваясь»: «боясь венчания и поздравлений, и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться». Для Чехова это характерно. Публичных выступлений он не терпел, их не выносил, их избегал. Смущенным чувствовал себя в таких случаях всегда.

В конце концов, уже сейчас надо сказать, что никакой вины за О. Л. Книппер не было, укоры, обращенные к ней, неосновательны и несправедливы. Ее письма раскроют роль и положение второго участника всей этой пленительной и печальной истории. — ее нужно было бы назвать драмой чеховской жизни вообще.

П. Трубинов.